

Русский словарь языкового расширения

составил
А.И.СОЛЖЕНИЦЫН

Третье издание

Издательство "РУССКИЙ ПУТЬ"

2000

ББК 81.2 РУС-4

С60

С60 **Русский словарь языкового расширения** / Сост. А.И. Солженицын. – 3-е изд. – М.: Русский путь, 2000. – 280 с.

ISBN 5-85887-071-6

«Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств», – пишет в предисловии к Словарю его автор-составитель А.И. Солженицын. Современная устная и письменная речь заметно оскудевает, становится бедной и невыразительной, и при этом мы неоправданно отказываемся от еще жизнеспособных полнокровных слов, которым грозит преждевременное отмирание. «Словарь языкового расширения» означает: собрание слов, смежных с обычно употребляемым языковым объемом, но по разным причинам из этого употребления выпавших. Задача Словаря – напомнить о них, то есть о «живом в нашем языке», по выражению А.И. Солженицына.

Для филологов, преподавателей, писателей, студентов, для всех, кому приходится иметь дело с письменной или устной русской литературной речью.

ББК 81.2 РУС-4

1-е изд. М., «Наука», 1990.

2-е изд. М., «Голос», 1995.

ОБЪЯСНЕНИЕ

С 1947 года много лет (и все лагерные, так богатые терпением и лишь малыми клочками досуга) я почти ежедневно занимался обработкой далевского словаря — для своих литературных нужд и языковой гимнастики. Для этого я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимательно, и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашёл эти выписки ещё слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью.

Вся эта работа в целом помогла мне воссоздать в себе ощущение глубины и широты русского языка, которые я предчувствовал, но был лишён их по своему южному рождению, городской юности, — и которые, как я всё острее понимал, мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостяцкому советскому обычаю. Однако в книгах своих я мог уместно использовать разве только пятисотую часть найденного. И мне захотелось как-то ещё иначе восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему — особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка, а насытить её — у них нет того многолетнего простора, который использовал я. И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснён от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи. Так зародилась мысль составить «Словарь языкового расширения» или «Живое в нашем языке»: не в смысле «что живёт сегодня», а — что ещё может, имеет право жить. С 1975 года я для этой цели заново стал прорабатывать словарь Даля, привлекая к нему и словный запас других русских авторов, прошлого века и современных (желающие могут ещё многое найти у них, и словарь значительно обогатится); также исторические выражения, сохраняющие свежесть; и слышанное мною самим в разных местах — но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка.

Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств. Так и французы в начале XIX века (Ш. Нодье и др.) пришли к этому верному способу: восстанавливать старофранцузские слова, уже утерянные в XVIII веке. (Но нельзя упустить здесь и других опасностей языку, например, современного нахлына международной английской волны. Конечно, нечего и пытаться избегать таких слов, как компьютер, лазер, ксерокс, названий технических устройств. Но если беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как «уик-энд», «брифинг», «истеблишмент» и даже «истеблишментский» (верхоуставный? верхоуправный?), «имидж», — то надо вообще с родным языком распрощаться. Мои предложения могут и не быть приняты, но не защищать язык по этой линии мы не можем. Другие, ещё далевские, предложения о замене слов, не все привившиеся, я привожу, однако, как напоминание, с оговоркой «иногда можно сказать» — хотя бы для редких случаев, хотя бы в художественных произведениях.)

Итак, этот словарь ни в какой мере не преследует обычной задачи словарей: представить по возможности полный состав языка. Напротив,

все известные и уверенно употребительные слова отсутствуют здесь. (С общими словарями неизбежны перекрытия только, когда прослеживаются оттенки значений.) Тут подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение — а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего изношенного узкого употребления, — область желанного и осуществимого языкового расширения. Также и слова, частично ещё применяемые, но всё реже, теряемые как раз в наше время, так что им грозит отмирание. Или такие, которым сегодня может быть придано освежённое новое значение. (И, например, с удивлением мы можем обнаружить среди исконных давних русских слов кажущиеся новоприобретения современного жаргона — как *зырить*, *кунять*, *надыбать*, *заначить*, *с кондачка* и др.) Стало быть, этот словарь противоположен обычному нормальному: там отсеивается всё недостаточно употребительное — здесь выделяется именно оно. Словарь составлен не по привычным нормам, и я не претендую ни на какую научность отбора. Этот словарь имеет цель скорее художественную.

Повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию. Я опирался на личное языковое чутьё, примеряя, какие слова ещё не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. И когда таким словом я находил областное, старинное или церковное — я и включал его, часто без ограничительной ссылки: по их неутраченной выразительности такие слова имеют достоинство к жизни и распространению. К тому же у Даля областные указания естественно неполны: он указывает губернию, где достоверно слышал, однако слово живёт и в других областях, я обнаруживал такие случаи. А в наше время смещения населения тем более решает не локализация слова, но качество его. (Да ведь какому слову как повезло: попробуйте сейчас впервые изобрести слово «путешествие» — вас засмеют, что это напыщенно и искусственно.) В этом словарном расширении мы встречаем слова сотен новых оттенков, непривычного числа слогов и ещё никем не употреблённых рифм.

В соответствии с такой задачей словаря многие слова и вовсе не объясняются тут или только подсказывается мысль о возможном их применении. Многие разъяснительные примеры дословно взяты из Даля. В некоторых случаях объяснение не дано для большей свободы использования, простора воображения. Если читатель затрудняется — он может взять справку из большого систематического словаря, принцип же нашего словаря — лишь о т б о р. Если слово, взятое у писателя, даёт возможность и иных, чем у него, толкований — я не даю никаких, оставляя многозначность. Иногда я предлагаю истолкования, более применимые сегодня, чем полвека назад. (Например, у Даля «заимословие» объясняется как иносказание, а сегодня это скорей: перенятое у кого-то выражение или пользование речевыми стандартами.) Иногда здесь — форма усвоения иностранного слова (*организованка*, *протестный*).

Читатель не найдёт здесь и полноты грамматического аппарата. Грамматические категории слов, для сокращения объёма, указаны далеко не везде, а лишь где мне это казалось нужным в пособленье. Род существительных большей частью самопонятен, наречия отмечены чаще, по их непривычности. Глаголы не всегда приводятся в паре (несовершенный

и совершенный вид), иногда только один из пары или объясняется только один из двух — который я нахожу более выпуклым, выразительным.

Словари, построенные на крупных гнёздах, как далевский, уже поэтому обречены пренебрегать алфавитом (*облежать* — *оболоконце*). Но и как будто строго алфавитные словари (как 17-томный академический 50-х годов) всё же допускают в себе малые гнёзда, а значит, уже небольшие отступления от алфавита. Да и выбор, что принять в основу гнезда (здесь — часто глагол), — меняет расположение слов внутри него. Значительные алфавитные шатания могут вызываться и пропуском буквы в приставке: *об(о)*, *в(о)з*. Графически я не выделял гнёзд, в этом словаре не имело бы смысла: чаще всего основообразующее слово здесь вовсе пропущено, а лишь приведены производные — несколько или только даже одно, и весь словарь течёт как череда расчленённых словесных единиц, где производные равноправны с исходными. Но, следуя Далю, я располагал рядом с глаголами некоторые производные от них глаголы с приставками (собранные вместе, они более наглядны), наречия от основного слова, производные формы со сменой коренной гласной или слова, присоединяемые по ассоциации, по противоположности — для углубления впечатления. Чаще бывает важнее стык и последовательность по взаимной связи соседних слов. Таким образом, предлагаемый словарь предназначен не для розыска по алфавиту, не для справок, а для чтения, местами подряд, или для случайного заглядывания. Нужное слово может быть найдено не строго на месте, а с небольшим сдвигом. Иногда глагол с приставкой может встретиться и по корню, и по приставке: для подобного словаря я не видел беды в таком повторении.

Но даже если бы этих присоединений не делать — строго алфавитного порядка не получилось бы ещё из-за колебаний между этимологическим и фонетическим принципами. (А устойчивость достижима только на двух крайних полюсах.) В настоящее время советские грамматисты сильно склоняют написание в сторону принципа фонетического. Мне уже пришлось писать в другом месте*, что этот принцип имеет пределы, до конца фонетические приёмы не могут быть употреблены, ибо затемняется смысл слов. Ведь мы всё же не пишем «зделать», «оптереть», «раскащик», «объещик». Или, например, принято *бестолковый*, но *без толку* — а фонетической ведь разницы никакой. Произношение ещё и меняется от времени или от местности. (Напротив, этимологический принцип, вероятно, мог бы быть выдержан вполне последовательно, хотя это затруднило бы чтение и письмо для недостаточно грамотных.)

Спор между этими принципами ярко сказывается, например, в написании приставок *без-*, *воз-*, *из-*, *раз-* перед глухими звуками (перед звонкими спора нет). Тут последовательно фонетический принцип очень гасит смысл слов, таких как *изсекать*, *изскакать*, *изспела*, *изстараться*, *изстружить*, *черезсильный*, *безкабальный*, *безссорный*, *безсоветный* (да и *безклассовый*), *низсылал*, *возсылать*, *близтекущий*. Проблема должна быть решена как-то промежуточно, так решал её и Даль. Предлоги на «-з» он пишет как «-с»: перед *к*, *п*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* (но «без» часто сохраняя и перед ними), однако очень держится за сочетание «зс» — для этимологической

* Некоторые грамматические соображения. (В кн. «Публицистика». Ярославль: Верхняя Волга, 1995—1997. Т. 3.) — *Прим. изд-ва.*

ясности. На каком-то промежуточном решении пытался удержаться и я: всегда стараясь отчётливо выразить смысл слова, но и не вызываясь расходясь с фонетикой. (Всё же «к» я считал наименее глухим из трёх глухих взрывных «п», «т», «к».) Но и в парных сочетаниях «зс» или «сс», «зк» или «ск», «зт» или «ст», «зх» или «сх» — выбор приходилось делать каждый раз так, чтобы не погас точный смысл слова, в зависимости от привычности или редкости его. Разумеется, все такие решения приняты субъективно, и я не настаиваю на них. Тут надо искать достойное равновесие, и я не утверждаю, что его нашёл.

Часто Даль даёт яркие слова — походя, не на своём месте, где они должны бы стоять (например, *беспокидно*), а на месте — не даёт их, я пытался некоторые возвращать в алфавит, как и некоторые слова из крупных гнезд, если они сильно отскакивают по смыслу.

Написания «ъи» и «ы» считаю равноправными (*безыизгибный, безыизгибный*), пользуюсь обоими. (Но они не везде тождественны, в частных случаях возможно предпочтение.) Написания в существительных на «-ник» и «-нник» я избирал в каждом случае на пригляд к слову.

Если слову даётся объяснение или подбор синонимов, то: через тире в случаях более прямого соответствия; при помощи скобки, когда объяснение более косвенно.

Изредка смею взять на себя перенос ударения или его двоение (в I-II изданиях Даля бывают ошибки).

Слова, прямо относящиеся к лошадям, и некоторые примеры бранных выделены в приложение.

При составлении словаря мне много помог мой младший сын Степан. Сердечно благодарю Елену Дорман за огромный труд по набору этого словаря.

А. Солженицын
1988